

ПРОЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА*

Погожина Наталья Николаевна – аспирант. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: nat60089784@yandex.ru

Данная статья представляет собой рецензию на коллективную монографию «Социальная философия науки. Российская перспектива», изданную под редакцией И.Т. Касавина. В статье анализируется ситуация, сложившаяся в философии науки к концу двадцатого века, которая явилась предпосылкой для возникновения проекта социальной философии науки. Оценивается потенциал и обосновывается необходимость реализации данного проекта в связи с реалиями глобального мира. Рассматривается структура книги и ряд ключевых проблем, среди которых соотношение знания и социальности, положение науки в обществе, роль метода в ситуационных исследованиях.

Ключевые слова: социальная философия науки, социальная эпистемология, знание, акторно-сетевая теория, исследования науки и технологий, социология науки

SOCIAL PHILOSOPHY OF SCIENCE PROJECT AS A POSSIBILITY FOR OVERCOMING THE CRISIS

Natalya N. Pogozhina – PhD Student. Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation; e-mail: nat60089784@yandex.ru

This article represents the review of the collective monograph “Social Philosophy of Science. Russian Prospects” (ed. by I. T. Kasavin). The article deals with the crisis in philosophy of science by the end of the XX century which has become prerequisite for the emergence of the project of social philosophy of science. The author analyzes this project and proves the necessity of its implementation in connection with the realities of the global world. The author also analyzes the structure of the book and discusses a number of key issues (attitude of knowledge and sociality, role of science in society, methodological aspects of case-study, etc.).

Keywords: social philosophy of science, social epistemology, knowledge, actor-network theory, science and technology studies, sociology of science

Вторая половина двадцатого века ознаменована появлением таких понятий, как «общество знаний», «экономика знаний», «когнитивный капитализм», «индустрия знаний», «креативный класс», «нетократия» и др., что свидетельствует о существенных изменениях в интерпретации взаимосвязи социальной реальности и процесса выработки знаний о ней. Безусловно, особый акцент ставится на научное знание. Таким образом, современное положение дел говорит о невозможности трактовки научного знания вне социального контекста.

* Статья подготовлена при поддержке РФФ, проект № 14-18-02227, «Социальная философия науки. Российская перспектива».

Постпозитивистские концепции науки и техники важной своей частью имеют идею социальной инженерии (рассмотренную К. Поппером в работах «Нищета историцизма» и «Открытое общество и его враги»), которая не может способствовать реализации глобальных программ, поскольку затрудняет интерпретацию глобализации как проекта, направленного на открытый равноправный обмен, а не на подведения всего культурного многообразия мира под идеалы конкретных обществ («вестернизация»). Для осуществления такого рода задач методологические средства аналитической западной философии являются недостаточными. Это свидетельствует о необходимости выработки иной методологии, имеющей потенцию к созданию долгосрочных глобальных проектов, основанных не просто на эмпирическом базисе, а обладающих широкой философско-мировоззренческой перспективой. Продуктивное использование прогностических схем таких теорий (среди них русский космизм, марксизм, трансгуманизм) позволит уйти от локальности, присущей объяснительному потенциалу аналитической философии.

Сегодня мы сталкиваемся с повсеместным стиранием междисциплинарных границ, феноменом конвергентного развития (НБИКС), в связи с чем появляются концепты «техно-» и «постчеловека». Методологию, которая справится с задачей исследования означенных явлений, философ и социолог Стив Фуллер называет «проактивной». Также он отмечает, что в современном мире происходит коммерциализация науки, поскольку после холодной войны резко изменились отношения науки и государства, которое сокращало финансирование научных проектов. В связи с этим наука была вынуждена отказаться от идеи элитарности и начать активно взаимодействовать с обществом и строить коммуникацию на понятном инвесторам языке.

Теперь существование науки не является безусловным и необходимым фактом, наука понимается не в качестве выделенной, а видится лишь одной из сфер общественной жизни, которой необхо-

димо взаимодействовать на условиях рынка с другими. По этой причине недостаточно рассматривать науку с позиций Т. Куна, поскольку успех и качество прогресса в науке в современном мире определяется не только самим научным сообществом, а обществом в целом, следовательно, наука существует как его часть, обладающая взаимозависимым положением, а не автономностью.

Проект социальной философии науки, являющийся предметом обсуждаемой книги, ставит акцент на интерпретации науки как социокультурного явления, которое не может исследоваться в отрыве от исторического и культурного контекста. Это влечет за собой необходимость обращения к богатому наследию русской философской мысли; более того, смещает ракурс исследования от естественнонаучных дисциплин к гуманитарным. На этом пути происходит обоснованный отказ от абстрактных конструкций в пользу ситуативных исследований (*case study*), **однако это не означает ухода от специфической характеристики философского мировосприятия – саморефлексии**. Более того, очерчиваются новые горизонты знания – научная картина мира и ее анализ как социокультурного феномена становятся особым типом дискурса [Касавин, 2014].

Монография «Социальная философия науки. Российская перспектива» под редакцией И.Т. Касавина представляет собой итоговый труд коллектива авторов, состоящий из глав, собранных под следующими разделами: «Социальная философия науки», «Социальная эпистемология: социальность, коммуникация, понимание», «*Case study*» и «Аналитика». Работа обращена к широкому кругу проблем, в связи с чем нам придется остановиться лишь на некоторых значимых сюжетах, обзор которых поможет сформировать впечатление о книге в целом.

Уже во введении очерчивается рамка взаимоотношений знания и социальности, выделяется три возможных исхода. В первых двух знание и социальность рассматриваются с точки зрения наличия у них собственной бытийности и субстанциальности, выдвигается тезис о возможности влияния друг на друга (в большей или меньшей степени). Это может выражаться детерминированностью знания социальностью (социальный конструктивизм) или обусловленностью им (отказ от прямой зависимости в пользу интерпретации знания как включенного в социокультурный контекст, что позволяет легитимировать тезис Дюгема-Куайна и конституировать принципиальную разницу связи естественнонаучного и гуманитарного знания с социумом). Третий тип корреляции знания и социального исходит из других посылок – функционализма и контекстуализма, т. е. утверждается невозможность отделения знания и социального контекста. Этот тип объяснения используется в таких дисциплинах, как социальная эпистемология, социология знания, когнитивная социология науки.

Также отмечается, что отношение к роли социального в познании не было одинаковым в историческом срезе философской мысли. Так, движение происходило от негативной оценки роли социума (автором отмечаются такие персоналии, как Платон, Ф. Бэкон, Дж. Беркли) через осознание невозможности разделения социального и плодов познавательной деятельности (К. Маркс, Э. Дюркгейм, К. Мангейм) к изменению перспективы наблюдения – рассмотрению науки не просто как познавательной деятельности и социального института, а изучению самого знания с точки зрения его детерминированности социальным контекстом («сильная программа» Б. Барнса-Д. Блура). Несмотря на то, что социологический анализ знания позволил широко охватить и «внутреннюю социальность» (исследование научного сообщества) и «внешнюю» (связь знания и социального контекста в целом), справедливо замечается, что общая установка на объективность и сциентизм остается почти неизменной (исключение может составить концепция П. Фейерабенда). Авторы не видят потенции к решению данной проблемы в рамках отдельной науки, а только в «восстановлении континуумов “наука–культура”, “наука–иные типы познания и сознания”, что позволит преодолеть разрыв континуума “общество–индивид”» [Социальная философия науки, 2016, с. 12].

Именно на это направлен проект социальной философии науки, который должен учитывать, с одной стороны, задачу установления многополярного мира средствами развертывания культурного проекта глобализации. Это реализуется в обращении к оригинальным концепциям отечественных философов (В.И. Вернандский, М. Бахтин, Г.Г. Шпет и др.) и реконструкции философии науки, в которой будут сочетаться их идеи и наследие западной философской мысли. С другой стороны, преодолевается противоречие узконаправленного взгляда социальной инженерии путем гармоничного взаимодействия как социально-инженерных технологий, так и глобального прогнозирования, которое станет возможным с опорой на иную базу – интегральное философско-мировоззренческое видение.

Думается, что реализация проекта социальной философии науки служит ответом на кризис, возникший в рамках стандартной модели, преодолеть который разными путями пытались К. Поппер, У. Куайн, П. Фейерабэнд и др.

В первых двух разделах монографии предметом внимания являются собственно социальная философия науки и социальная эпистемология.

Рассмотрение проблематики контекста в рамках постпозитивистских исследований науки начинается с осмысления места дисциплины СТС: указывается на влияние интерналистских концепций истории науки на развитие СТС; тесную взаимосвязь дисциплины с философской историей науки (HPS и историческая эпистемоло-

гия); предельно широкое проблемное поле – включение множества дисциплин социально-гуманитарного блока в понятие «science and technology studies» и эмпирический характер исследований СТС. Проект заявляет о своих широких аналитических возможностях, в том числе, как отмечает автор, и по отношению к самому себе. Детальный разбор указанных противоречий реализуется с помощью обращения к дистинкции контекста обоснования и контекста открытия (предложенного Г. Рейхенбахом в работе «Опыт и предсказание»). Социологи науки претендуют на стирание границ между контекстами, и предполагают, тем самым полемизируя с позитивистами, что логическая форма является структурой второго порядка и может сводиться к индуктивным данным. Однако эмпирическая социология сталкивается с проблемой рефлексивности – необходимостью обосновать научность исследования, которое деконструирует работу научного сообщества и сводит создание теорий к фиксируемым социологами интеракциям ученых. Из этой ловушки удастся выбраться, лишь утвердив за СТС наличие «методологического иммунитета». Таким образом, происходит двойное стирание контекстов – самой дистинкции Г. Рейхенбаха и, как следствие, обоснования научного характера этой операции. Понятие «контекст» рассматривается в двух значениях – как некая среда и как система выражений языка. Авторы замечают, что гибридность философии науки «позволяет удерживать два значения понятия “контекст” в их взаимном напряжении, то есть противоречивой, но продуктивной связи» [Социальная философия науки, 2016, с. 63].

В первом разделе книги поднимается проблематика, связанная с использованием системного подхода в анализе знания, предполагающего рассмотрение феномена, исходя из двух перспектив наблюдения – индивидуальной и системной, т. е. с точки зрения того, кто знание эксплицирует, и с точки зрения самой социальной реальности, в которой знание зародилось.

Авторы указывают на то, что знание, присущее индивидуальному сознанию, отвечает критериям истинности, обоснованности и убежденности, что делает его одновременно предметом анализа социологии, эпистемологии, логики, психологии, лингвистики и теории аргументации. Такой широкий дисциплинарный охват порождает споры и разногласия между представителями некоторых из указанных дисциплин за пальму первенства в исследовании знания.

Например, рассматривается ситуация, возникшая в социологии с появлением сильной программы Б. Барнса и Д. Блура – в связи с которой социологи стали претендовать на определение истинности знания, что изначально было задачей философской рефлексии. Это стало возможным с принятием иной точки зрения на дихотомию истина/ложь, согласно которой определение истины больше не ограничено ее

предметом, а ложь не считается прямой оппозицией к истине. Сегодня истина понимается шире, включает в себя социальные предпосылки. Социологи Эдинбургской школы отказываются от понимания лжи и ошибок в науке как того, что обусловлено социальными установками (ложными мнениями, идеологией и т. д.), а истины, наоборот – избавленной от этого. На истину также влияют личная точка зрения ученых, их убеждения, верования, сам социум и т. д.

Каким образом возможно совместить две перспективы наблюдения и преодолеть или хотя бы частично сгладить противоречие? В статье предлагается рассмотреть два варианта решения проблемы – с одной стороны, программа СТС, с другой – акторно-сетевая теория.

В первом случае акцент ставится на изменении положения науки в обществе, что с необходимостью влечет «десакрализацию» науки, вмешательство в оценку результатов деятельности и частично в процесс тех членов общества, которые не являются частью ученого сообщества. Это обеспечит демократизацию науки, позволит осуществить «публичный контроль». Однако, как отмечают авторы, такое решение не может полностью удовлетворить поставленной задаче, поскольку нивелирует особенности, присущие научной коммуникации, которая построена на другой реакции на норму и нарушение нормы.

Представители акторно-сетевой теории предлагают другой путь – позволить «говорить» в рамках социальных отношений не только людям, но и не-человекам (non-humans), к числу которых относятся сами объекты исследования. В связи с включением таких акторов в дискурс изменяется и теория истины, которую используют сторонники АСТ. Теперь невозможно исходить из корреспондентной теории, поскольку она предполагает полярные отношения субъекта и объекта и не учитывает момент «становления» знания (т. е. изменение во времени). Использование прагматической теории истины предполагает выработку знания, неограниченную стремлением к конечности (итогу), поскольку финальное знание – условно, т. к. является продуктом ретроактивной рефлексии. «Осязаемым» образом АСТ является сеть – нить последовательных изменений реальности сплетается с нитью конкретных шагов исследователей этих изменений, что образует узлы сети. С помощью модели сети АСТ предлагает преодолеть фундаментальный разрыв между реальностью и знанием. Тем самым, замечают авторы, такая трактовка позволяет легитимно оставить научному знанию присущее ему своеобразие и в то же время выступить ответом, который ограничит принцип «Дозволено все» (П. Фейерабенд).

Как уже отмечалось выше, проект социальной философии науки подразумевает включение в себя case-study, поскольку использование этого метода предполагает рассмотрение микроуровня научного исследования, что отвечает требованиям междисциплинарности знания и может существенно скорректировать понимание макропроцессов.

В книге отводится целая глава, посвященная анализу конкретных ситуаций – здесь рассматриваются особенности естественнонаучного и исторического описания, сущностные характеристики современной науки, трансформация отношений врач/пациент в медицинской практике в связи с внедрением технологий, глобальные проекты, место экзистенции в науке, стратегии формирования научной политики с учетом применения социогуманитарных технологий.

На наш взгляд, представляется крайне интересным раздел «Аналитика», в котором помимо прочего поднимаются дискуссионные вопросы о перспективах развития современной науки в меняющихся политических и экономических условиях, роли социальной эпистемологии в изучении нынешних тенденций развития науки и ресурсах русской философской мысли.

Книга имеет замечательную особенность – каждая из статей, включенных в нее, открывает перед читателем новейшую проблематику, которая занимает умы философов и социологов науки, однако одновременно с этим многие вопросы остаются открытыми, поскольку задается вектор перспективного исследования. Особенный интерес вызывают ситуативные исследования, включенные в монографию, потому что они позволяют ознакомиться с оригинальными точками зрения исследователей на узкую проблематику, встречающуюся в иной предметной области, чем та, в которой, возможно, разбирается читатель.

Список литературы

Дюркгейм, 1996 – *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996. 432 с.

Касавин, 2014 – *Касавин И.Т.* Социальная философия науки: идея и проект // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2014. Т. 42. № 4. С. 5–19.

Степин, 2000 – *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.

Социальная философия науки, 2016 – *Касавин И.Т., Антоновский А.Ю., Аргамакова А.А., Вострикова Е.В. и др.* Социальная философия науки. Российская перспектива. М.: КноРус, 2016. 412 с.

References

Dyurkgeim, E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labour in Society]. Moscow: Kanon, 1996. 432 pp. (In Russian)

Kasavin, I. *Sotsial'naya filosofiya nauki: ideya i proekt* [A social philosophy of science: idea and project], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2014, vol. 42, no. 4, pp. 5–19. (In Russian)

Kasavin, I., Antonovskii, A., Argamakova, A., Vostrikova, E., Kasavina, N., Kuslii, P., Nikiforov, A., Markova, L., Martishina, N., Porus, V., Stolyarova, O., Sokolova, T., Tukhvatulina, L. *Sotsial'naya filosofiya nauki. Rossiiskaya perspektiva* [The Social Philosophy of Science. Russian Prospects]. Moscow: KnoRus, 2016. 412 pp. (In Russian)

Stepin, V. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. 744 pp. (In Russian)